

Социально-философский анализ власти в локальных сообществах (зарубежный опыт)

В. Г. ЛЕДЯЕВ

(НИУ «Высшая школа экономики»)

В статье представлен анализ исследований власти в локальных сообществах, которые проводятся в зарубежной социальной философии. Проводятся параллели с отечественными работами и делается вывод о специфике российской ситуации.

Ключевые слова: социально-философский, власть, локальное сообщество, городская политика, Запад, Россия.

Изучение власти и влияния в локальных сообществах является, пожалуй, наиболее развитым направлением социально-философских концепций власти в зарубежной философии. Начиная с 1920-х годов были проведены сотни исследований. В них использовались различные модели исследования и объяснения распределения власти, обобщен гигантский эмпирический материал, позволивший расширить и углубить знание многих важнейших аспектов политической жизни и функционирования социума (Ледяев, 2010: 23–48; Harding, 2009: 27–39). Результаты исследований интересны не только сами по себе, но и в плане анализа возможностей и перспектив использования теорий и моделей исследования в иных социально-политических и культурных контекстах.

По различным причинам изучение власти в локальных сообществах длительное время развивались в основном в США, и уже значительно позднее американские модели были экспортированы в Европу и другие части света. Изучение городской политики в европейских странах, разумеется, имело место и раньше, но по своей проблематике и характеру оно существенно отличалось от того, что наблюдалось в американской политической науке и социологии. В частности, в Великобритании изучение власти в городском политическом пространстве фокусировалось на публичной сфере и деятельности государственных и партийных организаций. «Для британской политики, — подчеркивал К. Ньютон, — вопрос «кто правит?» не является проблемой... Просто начните с избранных и назначенных людей в местных органах власти. Исследование может привести в Уайтхолл, Вестминстер, в ме-

стные партийные организации, группы давления, комитеты городского совета, каким-то чиновникам или к их комбинации» (Newton, 1975: 12). Такой ракурс исследования власти был обусловлен тем, что в Великобритании «вся политическая система выстроена вокруг Лондона и основных политических партий, а права и обязанности местной власти жестко заданы центром» (Newton, 1976: 3). Административный фокус имел место и в исследованиях городской политики в других европейских странах.

Ситуация существенно изменилась в последние два десятилетия в связи с появлением новых моделей исследования власти в локальных сообществах — теорий «машин роста» и «городских режимов»; последняя в настоящее время стала самой влиятельной теорией городской политики (Davies, Imbroscio, 2009: 2). Популярность теории за пределами США была обусловлена двумя обстоятельствами: 1) в теории городских режимов были в значительной степени преодолены недостатки более ранних моделей исследования власти; 2) в последние десятилетия произошли существенные изменения в характере городского управления, обозначаемые аналитиками как переход от *urban government* к *urban governance*. Они связаны с тем, что появление международных секторов экономики, международных экономических институтов, мобильной системы инвестиций капитала ослабляет возможности городских властей (*government*) контролировать развитие города. В условиях растущей сложности и многомерности социальной жизни, менее однозначных, чем в прошлом, связей горожан с территорией их проживания, укрепления тенденций к децентра-

лизации политической жизни в связи с потребностями учета разнообразных и противоречивых местных интересов система принятия политических решений, в которой ранее доминировали публичные политики, трансформируется в более сложный по своему представительству механизм управления, где власть, ресурсы и ответственность принадлежат не только «официальным лицам», но и довольно широкому спектру других участников городской политики, в том числе бизнесу.

Новые институциональные контексты использования американских теорий вызвали ряд изменений как в самой теории городских режимов, так и в описании режимов, обнаруженных в европейских городах. Прежде всего, произошло расширение понятия «режим», которое фактически отождествляется с понятием «городское политико-экономическое управление» (*urban governance*); оно стало более эластичным в силу того, что фактически из него исчезли признаки надежности и длительности, обязательные для американских версий теории режимов. Тем самым подразумевается, что всегда есть какой-то уровень кооперации между публичным и частным секторами, а режим имеет место в любом городе. Другое основное отличие европейских версий и аппликаций теории городских режимов заключается в том, что акцент в анализе взаимодействия публичных и частных акторов ставится на публичных структурах и в меньшей степени исследуется роль частного сектора в выстраивании коалиций акторов; при этом в центре внимания оказываются формальные механизмы, структуры и институты, прежде всего публично-частные партнерства и квазинезависимые неправительственные организации.

Исследования в европейских городах (А. Ди Гаэтано и Дж. Клемански, К. Доудинг, П. Джон и Э. Коул, Э. Стром, Д. Уэллер и др.) показали определенные отличия городских политических режимов в европейских городах, обусловленные спецификой политических институтов и традиций в европейской городской политике. В их числе обычно называются более значимая роль городских политико-административных элит (обусловленная более централизованной системой государст-

венного управления, сравнительно небольшой долей финансирования городских проектов и кампаний из местных источников), наличие сильных политических партий и меньшая политическая мобилизованность бизнеса. В силу этих причин взаимоотношения между публичной властью и группами интересов в европейских странах имеют несколько иной характер, чем в США. Государственная власть перевешивает все остальные элементы политического процесса и тем самым ограничивает возможности формирования коалиционной политики. Поэтому, несмотря на тенденции к возрастанию влияния бизнеса, ключевые решения по основным вопросам развития города по-прежнему принимают политические лидеры. Государство остается центром политического притяжения, а наиболее значимую роль играют вертикальные и горизонтальные связи в публичном секторе. Общий вывод, к которому приходит большинство исследователей, состоит в том, что в Европе городские коалиции, выступающие за экономический рост, хотя и становятся все более значимым фактором городской политики, тем не менее не играют доминирующей роли, как в Соединенных Штатах; бизнес участвует в них, но по-прежнему главенствующее место занимает публичная власть (Ледаев, 2008: 32–60).

Были предприняты и попытки применить «аутентичную» модель исследования. В частности, исследование Н. Холман в Портсмуте (Holman, 2007: 435–453) в отличие от многих других исследований в Европе было выполнено на основе классической стоуновской (Stone, 1989) концепции городского режима. В ее понимании режим — это стабильное взаимодействие акторов публичного и частного секторов на основе формальных и неформальных связей; ресурсы акторов взаимодополняют друг друга и позволяют добиться результата, недостижимого без стабильной коалиции; кооперация основана на доверии; у режима есть определенная повестка дня или набор стратегических целей и др. — всего 10 основных параметров, по которым она определяла наличие/отсутствие режима в Портсмуте. Исследование показало, что в 1990-е годы в Портсмуте сложился режим — сеть публичных и ча-

стных акторов, участвовавших в принятии решений по развитию городской общности и определявших принципы и правила взаимодействия между собой. С самого начала взаимодействие было автономным и не находилось под контролем местных властей, а обеспечивало их включение в неформальную коалицию в качестве ее составной части. Формирование сильной кросс-секторальной структуры и наличие харизматических акторов из разных секторов, уже имевших длительные профессиональные и/или персональные связи и сумевших сформировать общее видение перспектив развития города при наличии сильной неформальной структуры, Холман считает важнейшими предпосылками в целом успешного формирования режима в Портсмуте. Результаты исследования подтвердили значимость нового контекста формирования режимов в Великобритании, связанного с изменением роли местных органов власти, институциональной фрагментацией и переходом от *government* к *governance*, усиливающими необходимость кооперации публичного и частного секторов.

Несколько менее оптимистичными в контексте возможностей использования американских моделей в европейском контексте оказались результаты исследования А. Хардинга в Манчестере и Эдинбурге (Harding, 2000: 54–71). Однозначно ответить на главный вопрос, сформировались ли в Манчестере и Эдинбурге городские режимы, Хардинг не смог. С точки зрения стоуновской трактовки режима, включающей в качестве обязательных признаков стабильность и длительность, в обоих британских городах не было режима, аналогичного режиму, обнаруженному Стоуном в Атланте; влияние коалиций развития ограничивалось отдельными стратегиями и проектами, а не общей конфигурацией основных вопросов городской политики. Основная причина заключается в том, что способность местных властей обеспечивать население услугами в Великобритании в меньшей степени (по сравнению с США) зависит от местных экономических факторов, чем от финансовой поддержки центра. Тем не менее Хардинг отмечает возрастание значимости вопросов развития в структуре городской поли-

тики и соответственно стимулов к формированию коалиций и консенсусу элит по сравнению с ситуацией, имевшей место до 1980-х годов, когда местная власть не была склонна к серьезному диалогу с бизнес-сообществом по стратегическим проблемам развития города.

Открытым остался и вопрос о перспективах правящих коалиций в обоих городах, поскольку они, как отмечает Хардинг, очень зависят от конкретных людей, образующих ее основу. При этом долгосрочная стабильность правящих коалиций не поддерживается окружающими обстоятельствами. Тем не менее Хардинг считает, что режимная теория дает большие эвристические возможности для анализа и сравнения опыта коалиций в городах, чем иные подходы к изучению городской политики.

Анализ этих и других исследований показывает, что городские режимы (в стоуновской интерпретации) не типичны для западноевропейских городов; источником наиболее существенных отличий американских и европейских городских режимов исследователи называют различия в их институциональной структуре. Акторы публичного сектора по-прежнему доминируют в городском политическом пространстве, хотя глобализация и переход от *government* к *governance* способствуют повышению властного потенциала частного сектора; городская политическая повестка — по сравнению с американской — менее сфокусирована на рост, более — на социальные и экологические вопросы. В целом использование американских моделей в европейском контексте оказалось вполне успешным и способствовало включению исследования власти и локальных режимов в сравнительную перспективу.

В контексте возможностей использования зарубежного опыта для изучения власти в российских городах и регионах особый интерес представляют попытки применения рассмотренных подходов в странах, не имеющих длительных и прочных либерально-демократических традиций, в частности в постсоциалистических странах. Исследования Л. Кульчара и Т. Домокоша в Венгрии (Kulcsar, Domokos, 2005: 550–563), Ф. Коха (Koch, 2009a: 129–141; Koch, 2009b: 333–357) и И. Саган в Польше (Sagan, 2008: 93–109) непосредствен-

но опирались на американские и западноевропейские концепции «машин роста» и «городских режимов», а их авторы полагали, что они вполне применимы для изучения власти в Восточной Европе и дают возможность объяснить характер и динамику властных отношений в этих странах. В частности, в венгерских городках было обнаружено доминирование «машин роста», в составе которых превалировали представители местных административных структур. В Польше характер политико-экономического управления и процессы складывания городских режимов в различных городских общностях заметно различались. В частности, в Варшаве, как показывает исследование Коха, стабильный режим в его классическом понимании не сложился. Однако его отсутствие было обусловлено в основном ситуативными факторами, тогда как в целом постсоциалистические трансформации способствовали появлению условий, способствующих формированию городских режимов. Оценивая эвристический потенциал американских теорий, исследователь полагает, что использование теории городских режимов с ее фокусом на формальных и неформальных властных практиках и взаимоотношениях между частными и публичными акторами может быть особенно плодотворным при изучении политических процессов в постсоциалистических странах, поскольку характер властных отношений в городах Восточной и Центральной Европы остается менее определенным, чем в западноевропейских городах, а в политической сфере постсоциалистических городов имеет место сочетание типичных европейских (сильное государство) и американских паттернов, обусловленных развитием рыночных механизмов.

Наконец, изучение городских и региональных политических режимов на основе зарубежного опыта начинается и в России (Gel'man, Ryzhenkov, 2011: 449–465). На первый взгляд современные тенденции в российской политике делают городские и региональные режимы маловероятными в силу преобладания административно-политических механизмов управления по мере выстраивания и укрепления вертикали власти. Слабость либе-

рально-демократических традиций и институтов гражданского общества, расширение бюрократического контроля и сужение сферы публичной политики, широкое использование административного ресурса и отсутствие независимой правоохранительной системы, казалось бы, полностью исключают предпосылки и возможности установления стабильных партнерских (равноправных) отношений между политико-административными элитами и негосударственными акторами. Исследователи подчеркивают, что специфика российского контекста, задающая направление анализа локальных режимов, обусловлена модальностью политических институтов общенационального уровня: имевшая место в 2000-х годах консолидация авторитарного режима во многом предопределила характер становления и развития локальных режимов. Этот контекст существенно отличается от стандартных условий становления и развития современных городских режимов на Западе. Однако, накладывая ограничения, он полностью не препятствует возникновению режимов в российских городах, поскольку аппарат власти безразличен как к некоторым результатам политического процесса, так и к тем средствам, с помощью которых эти результаты достигаются. Многие вопросы отданы на откуп локальным акторам, хотя центр сохраняет способность селективно применить к ним санкции за нарушение формальных и/или неформальных правил игры; более того, общенациональный режим создает разнообразные, пусть и противоречивые, стимулы для проведения как активного, так и реактивного политического курса на региональном и/или местном уровне, для создания в рамках локальных режимов как распределительных коалиций, так и коалиций роста, и даже допускает элементы, характерные для прогрессистской коалиций.

Вместе с тем траектории функционирования и развития российских городских режимов принципиально отличаются от режимов в американских и европейских городах, поскольку там работает другая институциональная логика. Современные западные режимы существуют в условиях политической конку-

ренции, заставляющей местных политиков действовать и в интересах тех или иных групп городского населения, а невозможность нарушать право частной собственности дает собственникам мощный ресурс влияния на власть. В авторитарных режимах главный интерес локальных политиков и чиновников заключается в получении «сверху» назначения на должность и сохранение ее в обмен на реализацию целей режима; при этом власть может использовать ресурсы частного бизнеса, принуждая частично передавать их в ее руки. В то же время влияние политических институтов федерального и регионального уровней остается неоднозначным: формальные правила, заданные центром, не приобрели — по крайней мере пока — предписывающей роли. По большей мере они служат «фасадом» для неформальных механизмов согласования интересов, не препятствующим ни одному из возможных исходов конфликтов между политическими и экономическими акторами (Рыженков, 2010: 63–72).

Некоторые предварительные выводы были сделаны и в отношении конфигурации локальных режимов. Главный из них состоит в том, что в современных российских городах вряд ли имеет место преобладание какого-то одного типа локального режима; скорее можно предположить их мозаичное «соседство» и «сосуществование». При этом некоторые тенденции и закономерности в развитии российских локальных режимов отчасти соотносятся с американскими и европейскими аналогами. В частности, элементы локального режима поддержания статус-кво в наибольшей степени характерны для малых и средних городов, где доминируют коалиции, осуществляющие дележ ограниченного объема бюджетных ресурсов, значительная доля которых распределяется на вышестоящих уровнях власти и управления. В крупных городах экономический рост стимулировал появление элементов локального режима роста и развития, сопоставимых с «машинами роста» в американских городах, хотя и с несколько иными конфигурациями участников. В ряде крупных городов возникли и локальные общественные движения, хотя нигде они так и не смогли стать частью правящих коалиций.

Исследование подтвердило тенденцию формирования режима «большого бизнеса» в монопрофильных городах, где господствуют крупные предприятия общенационального масштаба. Показательным примером является режим в Череповце, в политике и экономике которого доминирует Череповецкий металлургический завод — одно из основных подразделений компании «Северсталь». В иных городах более вероятным является формирование локальных режимов, в которых доминирующим актором выступает местная администрация, контролирующая основные экономические ресурсы и способная осуществлять политику экономического развития без участия бизнес-групп, которые, оставаясь разрозненными, не могут противостоять местным чиновникам. Иллюстрацией данного типа локального режима стала Пермь. Многоотраслевая структура экономики города и наличие в нем различных экономических групп интересов способствуют поддержанию постоянной конкуренции между ними за влияние на местную власть и распылению политических интересов бизнеса: бизнес-группы интересуют лишь отдельные сегменты городской политики, они безразличны к тем сферам городской жизни, которые их непосредственно не касаются. Это открывает простор для неформального торга между политическими и экономическими акторами, позволяя политико-административной элите манипулировать бизнесом, играющим в пермском локальном режиме роль ведомого. Обладая возможностью активно вмешиваться в рыночные отношения, городская власть сама фактически превращается в местный бизнес, а многие чиновники прямо или косвенно используют преимущества своих властных позиций для содействия подконтрольному им бизнесу. В итоге происходит сращивание власти и бизнеса, а вход на рынок остается открытым только для «избранных» компаний, чаще всего связанных с областными и городскими чиновниками (Бычкова, Гельман, 2010: 73–82; Борисова, 2010: 92–102).

К изучению режимов в российских городах и регионах обращались и другие исследователи; при этом их концепции политического ре-

жима отличались от зарубежных аналогов (Туровский, 2009: 77–95). В силу специфического характера российского общества многие авторы предпочитают использовать «универсальное» определение политического режима, не связывающее его с четко очерченным набором конкретных характеристик, что, по их мнению, расширяет возможности классификации режимов. Обычно под режимом понимается совокупность акторов политического процесса, институтов политической власти, ресурсов и стратегий борьбы за достижение и/или удержание власти. Подразумевается, что режим есть в каждом регионе и он может изменяться. В качестве важнейшего основания классификации режимов обычно рассматривается степень концентрации власти в регионе (моноцентрические и полицентрические режимы), характер взаимоотношений между основными акторами («авторитарная ситуация», «гибридный режим», «демократическая ситуация»), уровень «полиархичности» режимов и т. д.

Данный подход представляется вполне обоснованным и весьма продуктивным для анализа политических процессов в России. В отличие от США и Западной Европы, где демократическая практика имеет длительные традиции, в России региональные политические процессы, как и политические процессы на федеральном уровне, имеют сильную авторитарную составляющую; поэтому сделанный авторами акцент на показателях уровня демократичности политической практики в регионах бесспорно оправдан и отражает наиболее важные исследовательские предпочтения, задаваемые реальной ситуацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисова, Н. В. (2010) Пермь: локальный режим в крупном российском городе // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. № 2 (70). С. 92–102.

Бычкова, О. В., Гельман, В. Я. (2010) Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. № 2 (70). С. 73–82.

Ледяев, В. Г. (2008) Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования // *Политическая наука*. № 3. С. 32–60.

Ледяев, В. Г. (2010) Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. № 2 (70). С. 23–48.

Рыженков, С. И. (2010) Локальные режимы и «вертикаль власти» // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. № 2 (70). С. 63–72.

Туровский, Р. Ф. (2009) Региональные политические режимы в России: к методологии анализа // *Полис*. № 2. С. 77–95.

Davies, J. S., Imbroscio, D. L. (2009) Introduction: Urban Politics in the Twenty-first Century // *Theories of Urban Politics*. Second edition / ed. by J. S. Davies and D. L. Imbroscio. L.: Sage. P. 1–14.

Gel'man, V., Ryzhenkov, S. (2011) Local Regimes, Sub-national Governance and the 'Power Vertical' in Contemporary Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 3. P. 449–465.

Harding, A. (2000) Regime Formation in Manchester and Edinburgh // *The New Politics of British Local Governance* / ed. by G. Stoker. Basingstoke; L.: Macmillan. P. 54–71.

Harding, A. (2009) The History of Community Power // *Theories of Urban Politics*. Second edition / ed. by J. S. Davies and D. L. Imbroscio. L.: Sage. P. 27–39.

Holman, N. (2007) Following the Signs: Applying Urban Regime Analysis to a UK Case Study // *Journal of Urban Affairs*. Vol. 29. № 5. P. 435–453.

Koch, F. (2009a) A New Form of Urban Governance? The Polity, Politics and Policy of Urban Development in Post-socialist Warsaw // *Living in the 21st Century City*. Contributions to the 13th Berlin-Amsterdam Conference. Amsterdam: Amsterdam Institute for Metropolitan and International Development Studies. P. 129–141.

Koch, F. (2009b) Housing Markets and Urban Regimes: The Case of Warsaw // *Urban Governance in Europe* / ed. by F. Eckhardt and I. Elander. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag. P. 333–357.

Kulcsar, L. J., Domokos, T. (2005) The Post-socialist Growth Machine: the Case of Hungary // *International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 29. № 3. P. 550–563.

Newton, K. (1975) Community Politics and Decision-making: The American Experience and Its Lessons // *Essays on the Study of Urban Politics* / ed. by K. Young. L.: Macmillan Press. P. 1–24.

Newton, K. (1976) Second City Politics. Democratic Processes and Decision-Making in Birmingham. Oxford: Clarendon Press.

Sagan, I. (2008) Regions, New Regionalism and Regime Theory: Deciphering Post-Socialist Institutional Change // *De-coding New Regionalism. Shifting Socio-political Contexts in Central Europe*

and Latin America / ed. by J. W. Scott. Aldershot : Ashgate Publishing Ltd, P. 93–109.

Stone, C. N. (1989) *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988*. Lawrence : University Press of Kansas.

*THE SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS
OF THE AUTHORITY IN LOCAL
COMMUNITIES (FOREIGN EXPERIENCE)*

V. G. Lediaev

(National Research University
«Higher School of Economics»)

The article presents an analysis of the conceptualizations of the authority in local communities that can be found in foreign social philosophy. The author draws some parallels with Russian works in this field and makes a conclusion on the specificity of the Russian situation.

Keywords: socio-philosophical analysis, authority, local community, urban policy, the West, Russia.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Borisova, N. V. (2010) Perm': lokal'nyi rezhim v krupnom rossiiskom gorode // *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*. № 2 (70). S. 92–102.

Bychkova, O. V., Gel'man, V. Ia. (2010) Ekonomicheskie aktory i lokal'nye rezhimy v krupnykh gorodakh Rossii // *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*. № 2 (70). S. 73–82.

Lediaev, V. G. (2008) Gorodskie politicheskie rezhimy: teoriia i opyt empiricheskogo issledovaniia // *Politicheskaiia nauka*. № 3. S. 32–60.

Lediaev, V. G. (2010) Izuchenie vlasti v gorodskikh soobshchestvakh: osnovnye etapy i modeli issledovaniia // *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*. № 2 (70). S. 23–48.

Ryzhenkov, S. I. (2010) Lokal'nye rezhimy i «vertikal' vlasti» // *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture*. № 2 (70). S. 63–72.

Turovskii, R. F. (2009) Regional'nye politicheskie rezhimy v Rossii: k metodologii analiza // *Polis*. № 2. S. 77–95.

Davies, J. S., Imbroscio, D. L. (2009) *Introduction: Urban Politics in the Twenty-first Century // Theories of Urban Politics*. Second edition / ed. by J. S. Davies and D. L. Imbroscio. L. : Sage. P. 1–14.

Gel'man, V., Ryzhenkov, S. (2011) Local Regimes, Sub-national Governance and the 'Power Vertical' in Contemporary Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. № 3. R. 449–465.

Harding, A. (2000) *Regime Formation in Manchester and Edinburgh // The New Politics of British Local Governance* / ed. by G. Stoker. Basingstoke ; L. : Macmillan. P. 54–71.

Harding, A. (2009) *The History of Community Power // Theories of Urban Politics*. Second edition / ed. by J. S. Davies and D. L. Imbroscio. L. : Sage. P. 27–39.

Holman, N. (2007) *Following the Signs: Applying Urban Regime Analysis to a UK Case Study // Journal of Urban Affairs*. Vol. 29. № 5. R. 435–453.

Koch, F. (2009a) *A New Form of Urban Governance? The Polity, Politics and Policy of Urban Development in Post-socialist Warsaw // Living in the 21st Century City. Contributions to the 13th Berlin-Amsterdam Conference*. Amsterdam : Amsterdam Institute for Metropolitan and International Development Studies. P. 129–141.

Kosh, F. (2009b) *Housing Markets and Urban Regimes: The Case of Warsaw // Urban Governance in Europe* / ed. by F. Eckhardt and I. Elander. Berlin : Berliner Wissenschafts-Verlag. P. 333–357.

Kulcsar, L. J., Domokos, T. (2005) *The Post-socialist Growth Machine: the Case of Hungary // International Journal of Urban and Regional Research*. Vol. 29. № 3. R. 550–563.

Newton, K. (1975) *Community Politics and Decision-making: The American Experience and Its Lessons // Essays on the Study of Urban Politics* / ed. by K. Young. L. : Macmillan Press. P. 1–24.

Newton, K. (1976) *Second City Politics. Democratic Processes and Decision-Making in Birmingham*. Oxford : Clarendon Press.

Sagan, I. (2008) *Regions, New Regionalism and Regime Theory: Deciphering Post-Socialist Institutional Change // De-coding New Regionalism. Shifting Socio-political Contexts in Central Europe and Latin America* / ed. by J. W. Scott. Aldershot : Ashgate Publishing Ltd, P. 93–109.

Stone, C. N. (1989) *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946–1988*. Lawrence : University Press of Kansas.